

- 47 Сочинения Козьмы Пруткина. С. 324.
- 48 Цит. по: Ямпольский И. Г. К истории взаимоотношений Тютчева и А. Н. Майкова. URL://http://philology.ru/literature2/yampolskiy-81.htm (дата обращения : 24.04.2016).
- 49 Там же.
- 50 См.: Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года. URL://http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectre/ts6/ts62332-.htm (дата обращения: 14.04.2016).
- 51 Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1972. С. 45–47, 116–117.
- 52 Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года.
- 53 См.: Гончаров И. Литературный вечер // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 56.
- 54 Там же. С. 67.
- 55 Снякова Л. Н. Композиционные особенности «очерковой повести» И. А. Гончарова «Литературный вечер». URL://http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/32.Sinyakova_L.pdf (дата обращения: 11.04.2016).
- 56 Снякова Л. Н. Указ. соч. С. 74.
- 57 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910. С. 143.
- 58 См.: Кизеветтер А. А. История России. Курс лекций, читанный на МВЖК в 1915–1916 году : в 2 ч. М., 1916. Ч. 2. С. 101.
- 59 Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 166, 299–300, 782.
- 60 Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 137.
- 61 Там же. С. 329.
- 62 И. А. Христофоров причислил П. А. Валуева как чуткого к сложным комбинациям «профессионального бюрократа». См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1950 – середина 1870-х гг. М., 2002.
- 63 См.: Рациональная бюрократия // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 178, 182.
- 64 Валуев П. А. У Покрова в Лёвшине (в семидесятых годах). URL://http://fanread.ru/book/10783970/?page=71 (дата обращения: 18.04. 2016).
- 65 Русская старина. 1887. № 11.

Образец для цитирования:

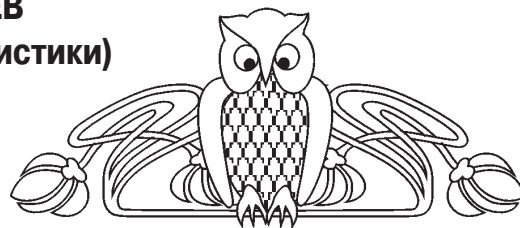
Морозова Е. Н. П. А. Валуев: пути формирования образа «министра-бюрократа» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 391–398. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-391-398.

УДК 94(47).083+929 Каляев

ПОЭТ С БОМБОЙ: ТЕРРОРИСТ ИВАН КАЛЯЕВ (опыт историко-психологической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье с привлечением различных источников, научной литературы и официальных документов проводится историко-психологический анализ мировоззрения и поступков революционера-террориста И. П. Каляева. Автор таким образом предпринимает попытку создания историко-психологического портрета одного из самых противоречивых и непредсказуемых деятелей эсеровского террора Ивана Каляева.

Ключевые слова: Иван Каляев, поэзия, религиозный фанатик, революционный террор.

The Poet with a Bomb: the Terrorist Ivan Kalyaev (the Experience of the Historical and Psychological Characteristics)

Yu. V. Varfolomeev

Involving a variety of sources, research literature and official documents, a historical-psychological analysis of the mindset and actions of a revolutionary terrorist I. P. Kalyaev is made in the article. Thus, the author attempts to create a historical-psychological portrait of one of the most controversial and unpredictable figures of the SR terror Ivan Kalyaev.

Key words: Ivan Kalyaev, poetry, religious fanatic, revolutionary terror.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-398-404

В «иконостасе» «оловянных богов» (выражение Великого князя Александра Михайловича)¹ Великой русской революции образ террориста Ивана Платоновича Каляева занимает особое место, и в первую очередь потому, что именно он был удостоен «честь» совершить убийство члена императорской фамилии – великого князя Сергея Александровича. Между тем эсеровский боевик стал еще и безукоризненным воплощением «идеального революционера», в жизни и деятельности которого образцово-показательно наличествовал весь набор стандартных достоинств борца с царизмом: фанатичное и даже романтично-поэтическое поклонение социалистическим идеям, вызывающе-мужественное поведение на суде и во время казни, жертвенный отказ от прощения о помиловании. Не случайно, что даже вождь большевиков В. И. Ленин лестно отзывался о И. П. Каляеве, подчеркнув «безупречность личности исполнителя», и возвел совершенный им теракт в ранг «образцового политического убийства»². Ленинская оценка, подобно высочайшей индульгенции, позволи-

ла молодому эсеру, как это ни странно, занять достойное место в большевистской программе канонизации коммунистических кумиров. В первые годы советской власти образ Каляева был включен в так называемый ленинский план монументальной пропаганды, в соответствии с которым ему воздвигли памятник у входа в Александровский сад, а его именем были названы улицы в нескольких городах РСФСР.

На волне героизации и мемориализации борцов с царизмом в начале 1920-х гг. имя Каляева всплыло в целом ряде публикаций, как исследовательского, так и мемуарного характера и даже попало на страницы школьных учебников³. Правда с середины двадцатых годов прошлого века в советской историографии стал заметно проявляться крен в сторону преуменьшения роли и значения «непролетарских» партий. В связи с чем и имя эсера-террориста практически исчезает со страниц изданий, несмотря на то что упоминались политические убийства, к которым он был непосредственно причастен, а среди деятелей революционного террора, безусловно, угадывались и его черты⁴.

До начала 1930-х гг. еще издавались материалы о Каляеве, но в основном мемуарные, а последней публикацией, где мы встречаем его имя, стала книга политического защитника из синергии «Молодая адвокатура» М. Л. Мандельштама, в которой в числе прочих речь шла и о судебном процессе по делу об убийстве великого князя Сергея Александровича⁵. В зарубежной историографии и эмигрантской мемуаристике в этот период можно встретить отрывочные упоминания о Каляеве, в основном в контексте деятельности партии эсеров и проблематики индивидуального террора.

В СССР начиная с 1970-х гг., как известно, пробудился интерес к истории партии эсеров, а значит и к изучению её знаковых фигур, к числу которых, безусловно, принадлежит и Иван Каляев⁶. Однако подлинный всплеск числа научных разработок, посвященных проблемам революционного террора, пришелся на постперестроечное время⁷. Каляев стал одним из героев, или точнее, «рыцарей террора» в монографии К. В. Гусева⁸ и попал в избранный квартет русских террористов на страницах исследования А. С. Баранова⁹. Особое место среди исследований по данной теме занимают работы современного ученого Р. С. Закирова, защитившего в 2013 г. кандидатскую диссертацию «Эсер-террорист И. П. Каляев (1877–1905): основные этапы жизни и деятельности»¹⁰.

В современной зарубежной историографии выделяются труды крупного специалиста по изучению революционного терроризма А. Гейфман. Автор с привлечением большого корпуса различных источников сумела отобразить размах революционного терроризма в России в годы так называемой Первой русской революции 1905–

1907 гг. При этом исследовательнице удалось реконструировать образ террориста нового типа и выявить его характерные черты. Один из выводов, сформулированный Гейфман, заключается в том, что в начале XX века в Российской империи возник и доминировал новый тип террористов, последователей систематического и жестокого насилия, приправленного вычурной идеологической буффонадой и противоестественной эсеровской этикой¹¹. К такому новоявленному типу борцов с царизмом, безусловно, относится и Иван Каляев.

На скрижалях революционного пантеона имя И. П. Каляева появилось прежде всего потому, что 4 февраля 1905 г. «при всеобщем ликовании народных масс, – как торжественно рапортовала радикальная пресса, – брошенной бомбой был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, один из крупных деятелей реакционной России. Совершившим этот геройский подвиг оказался представитель Боевой организации партии социалистов-революционеров Иван Каляев»¹². Правда, в победной реляции революционного публициста умалчивалось о том, что «герой» скромно прикрылся от бешеной славы поддельным паспортом на имя витебского мещанина Алексея Шильника и под этим именем, собственно, и предстал впоследствии перед судом. Для того чтобы выяснить настоящее имя террориста, были вызваны в суд в качестве свидетелей мещанка Александра Каляева и старший околоточный надзиратель Варшавской городской полиции Федор Ференчук, которые признали в подсудимом: первая – родного брата, а второй – брата своей жены. После этого революционеру-анониму пришлось сознаться, что он действительно варшавский мещанин Иван Платонович Каляев. По отзывам современников, террорист, как ни странно, воспринимался тогда таким «героем России», о котором «говорили с таким теплым чувством, повсюду были его портреты»¹³.

В террористической группе Савинкова это был один из самых одержимых и фанатичных боевиков по кличке «Поэт». Каляев на самом деле получил прекрасное образование и, несомненно, обладал поэтическим даром. При этом возникает закономерный вопрос, каким образом сын околоточного надзирателя и обедневшей польской дворянки из обычного варшавского мальчишки и петербургского студента превратился в отчаянно-эсеровского боевика-террориста?

Интересную интерпретацию «рождения» «нравственного убийцы» предложил в своей речи на суде адвокат И. П. Каляева, политический защитник из синергии «Молодая адвокатура», М. Л. Мандельштам. Разбирая шаг за шагом вехи жизненного пути своего подзащитного, он отмечал, что сначала у этого молодого человека был период ничем не омраченных светлых мечтаний, стремлений к общечеловеческому счастью. «Он весь в студенческой товарищеской семье, в среде

горячих голов и благородных сердец нашего юношества», – живописал адвокат. Правда, следует уточнить, что этот «благородный юноша» успел уже тогда «засветиться» на студенческих сходках. И не удивительно, что в один из дней или, вернее, ночей этот безоблачный студенческий мир был разрушен: «властный стук в дверь одинокой студенческой комнаты. Каляева арестовывают. Тюрьма. Гласный надзор полиции в Екатеринославле. Оттуда в департамент полиции идет донесение местного жандармского управления: “Каляев сходится с лицами, заподозренными в участии в социал-демократической партии”»¹⁴, – искренне сопереживая, воспроизвел страничку криминальной хроники из жизни своего подзащитного М. Л. Мандельштам¹⁵.

Кто же виноват в подобном развитии событий? По Мандельштаму, получается – власти. «Взяли разгоряченного юношу, выхватили из его естественной обстановки, с сердцем, волнуемым всей болью общественных исканий, с головой, лихорадочно работающей над разрешением великих общественных проблем»¹⁶. Для политически неблагонадежного поднадзорного И. П. Каляева с этого момента был, естественно, закрыт доступ к легальной общественной деятельности и продолжению учебы. Ему успокоиться, хотя бы на время, но нет – он бросается в нелегальную подпольную жизнь, сходится с представителями социал-демократической партии¹⁷.

В июле 1902 г. за попытку провоза через границу запрещенной в России нелегальной литературы Каляев был задержан прусскими властями на ст. Мысловицы в Силезии и передан затем «в распоряжение Начальника Петроковского Губернского Жандармского Управления, коим был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого, – как следует из Циркуляра **департамента полиции**. – По Высочайшему повелению 22 апреля 1903 года, последовавшему в разрешение сего дознания, Каляев отбыл тюремное заключение в течение одного месяца, по месту его проживания в то время в гор. Ярославле»¹⁸. Там же он сблизился со своим гимназическим товарищем Б. В. Савинковым и С. Н. Моисеенко. Но поистине судьбоносное значение для Каляева в тот период имели встречи с «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, совратившей его в эсеровское воинство. Таким образом он пополнил список её выдающихся рекрутов революции, где наряду с ним уже подвизались и Григорий Гершуни, и Егор Созонов, и многие другие, фанатично преданные делу эсертства экстремисты. Здесь, очевидно, у Каляева происходит окончательное переформатирование мировоззрения и совершается переход от незрелого марксизма к народофильским идеям, обильно приправленным нищезанятием, поэтическим романтизмом, религиозными исканиями и мистикой.

Между тем если следовать канве защитительного повествования Мандельштама, то в эти

годы «юноша целиком поглощен жаждой мысли, стремлением к свету, к кипучей деятельности. Его манит столица, где “гремят вихри, кипит идейная борьба”, а он должен убивать время в какой-то Вологде. Один исход – за граница. И вот Каляев исчезает на два года. Его теряет из виду правительство, знакомые, даже семья, пока внезапно грозная фигура народного мстителя, по его выражению, не появляется с бомбой в руках перед каретой великого князя»¹⁹. Теперь то же самое в прозе департамента полиции: «16 декабря того же 1903 года Каляев снова выбыл за границу по паспорту Варшавского Обер-Полицейстера от 3 октября 1903 года за № 9789»²⁰. О жизни Каляева за границей имеется мало информации. «Достоверные сведения есть лишь о жизни в Брюсселе и Париже, – отмечает Р. С. Закиров, – центрах русской эмиграции: об опротивевшем ему трагичном образе жизни, встречах с девушкой по имени Лида, нескольких беседах с товарищем по Боевой организации будущим литератором С. А. Басовым-Верхожанским»²¹.

Революционное кредо Каляева принимает радикальный характер, а его кумиром становится французский анархист-террорист Ф. К. Кёнигштейн (Равашоль). По словам Б. В. Савинкова, его соратник верил в террор больше, чем во все парламенты мира²². Но, пожалуй, самым удивительным была каляевская революционная фантазмагория, в которой неопостижимым образом переплелись его любовь к искусству, религиозный фанатизм, мало чего общего имеющий с православием, и острая жажда справедливости. «Для людей, знавших его очень близко, его любовь к искусству и революции освещалась одним и тем же огнем – не сознательным, робким, но глубоким и сильным религиозным чувством. К террору он пришел своим, особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву»²³. В этой странной любви «поэта» к искусству и революции на первом месте была бомба, без которой он себя и не мыслил. «Ведь социалист-революционер без бомбы уже не социалист-революционер»²⁴, – утверждал Каляев.

Реконструируя «террористическую» ментальность в целом, т. е. «логику террора» (основные категории, парадигматические способы построения суждений), М. П. Одесский и Д. М. Фельдман впервые обратили внимание и на «поэтику террора»²⁵. Поэзия в понимании Ивана Каляева была важнейшим инструментом в достижении целей террористической борьбы. В своих революционно-поэтических грезах он мечтал *«Волшебным блеском слов я б увлекал бойца / И был бы громом дел мой клич в бою великом / Огнем мятежных чувств спалил бы я всю ложь / Рассеял бы всю муть бессилья, лицемерья...»*²⁶. По мнению А. С. Баранова, Каляев стал одним из первых террористов, чья жизнь и деятельность стала точкой соприкосновения России В. Я. Брюсова и

А. А. Блока и террористической субкультуры²⁷. Сумрачно вызывающий, богоискательский, жертвенный настрой его стихов был созвучен природе «Серебряного века» русской поэзии.

Дело И. П. Каляева было рассмотрено в Особом Присутствии Сената 5 апреля 1905 г. В ответ на вопрос председателя, считает ли он себя виновным, террорист гордо заявил: «Признавая, что убийство Сергея Александровича совершено мною, виновным себя не признаю по мотивам нравственного (?!?) – Ю. В.) содержания»²⁸. Когда же председатель попросил разъяснить суду эту замысловатую и парадоксальную конструкцию «нравственного убийства», Каляев кратко изложил причины, побудившие Боевую организацию эсеров вынести великому князю смертный приговор. В своей речи на суде Каляев представил общую концепцию революционного террора, отметив, что убийство трех, как он выразился, ставленников великого князя – Н. П. Боголепова, Д. С. Сипягина и В. К. Плеве – было ничем иным как тремя предостережениями самодержавию, а убийством Сергея Александровича «увенчивается здание этих предостережений», – высокопарно подытожил убийца²⁹. На осторожный вопрос сенатора Дейера, обращенный к подсудимому – продолжил бы он свою «деятельность», если бы не был арестован», – Каляев, не выходя из образа «народного мстителя», торжественно заявил: «Я исполнил свой долг и думаю, что и впредь бы исполнял его»³⁰.

По мнению прокурора И. Г. Щегловитова, очень важна в этом деле и нравственная сторона. Справедливо связывая теракт Каляева с его членством в партии социалистов-революционеров, прокурор определил, к чему стремится эта партия и чему самозабвенно верил убийца. «Партия эта характеризуется страшной верой в правоту своих убеждений, верой, не испытанной в горниле науки и разума, – отмечал Щегловитов. – Вот почему они отлучаются самонадеянностью и самомнением, жертвуя легко жизнью других. Они насильственным путем стремятся к ниспровержению государственных основ, покушаются на самое бытие его. Кровью они стремятся уничтожить высшее благо. Общество и все государства поняли весь ужас их деятельности и борются против нее»³¹. Подчеркивая особую тяжесть и общественную опасность такого вида преступлений, прокурор отметил, что на Женевском конгрессе³² было принято решение о международной выдаче подобных преступников. Наряду с этим, Щегловитов указал на крайнюю жестокость деяния, на полное безразличие к жизни других людей и, подводя итог своему выступлению, напомнил, что в результате террористических атак революционных партий в России пролилась «масса крови и слез»³³.

Судебное следствие полностью подтвердило данные, добытые предварительным следствием, и, завершив судебные слушания, 5 апреля 1905 г. Правительствующий Сенат в Особом Присут-

ствии приговорил И. П. Каляева «к смертной казни через повешение»³⁴. Осужденный, воспользовавшись своим правом, подал кассационную жалобу, в которой, в частности, отметил: «Во избежание неправильного толкования моих мыслей, я заявляю свой протест против включения формулы “дядя его величества” в окончательную форму приговора»³⁵. В Сенате ее поддержал присяжный поверенный В. В. Беренштам, но высшая кассационная инстанция эту партийно-принципиальную, но абсолютно не значащую с юридической точки зрения жалобу не удовлетворила.

Чрезвычайно интересны подробности описания настроения Каляева после объявленного приговора. Об этом, в частности, писали корреспонденты газет «Vorwärts» и «Daily telegraph» следующее: «Смертный приговор был объявлен Каляеву прокурором за два часа до казни»³⁶. Ни один мускул не дрогнул на лице осужденного. Прокурор подал ему для подписи прошение о помиловании. Каляев решительно отказался от этого и просил, чтобы ему дали чаю и пищи. Прокурор вышел, но восемь раз входил и умолял Каляева подписать прошение, и Каляев каждый раз в категорической форме отказывался. Пришедшего к нему духовника он попросил уйти, заявив, что у него своя религия, внутренняя, что совесть его спокойна, что он убежден, что не сделал ничего дурного.

Из камеры вышел так спокойно, с такою уверенностью, будто шел на прогулку. Такого железного спокойствия еще не видали власти крепости, в которой, однако, погибло уже немало жертв. Перед казнью он сказал близ стоявшему офицеру: «Скажите моим товарищам, что я умираю с радостью и буду вечно с ними»; с матери он взял клятву, что она не станет просить о помиловании. Когда во время одного из последних свиданий она сообщила ему слухи о том, будто его помилуют, он тотчас же написал министру юстиции: «Как революционер, верный заветам партии Народной воли, я считаю долгом моей политической совести отказаться от помилования». Выслушав смертный приговор, Каляев сказал судьям: «Имейте мужество привести этот приговор так же открыто и всенародно, как привел я приговор партии»³⁷.

Однако зарубежные корреспонденты, зачарованные «железным спокойствием» террориста, не совсем точно передали подробности казни. На самом деле все было более прозаично и буднично. 9 мая 1905 г. около 11 часов утра И. Каляева доставили на полицейском пароходе в Шлиссельбургскую крепость к месту казни. Был ясный, хотя и прохладный весенний день. В крепостной церкви шла обедня. Доставленного в крепость Каляева тотчас же провели в комнату под названием «мастерская», в которой он должен был провести последние перед казнью часы. Приговоренный к смерти почти весь день что-то писал, исписав несколько листов бумаги, но перед смертью все написанное сам тщательно зачеркнул, оставив

только известное изречение Петра перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, не дорога ему жизнь – была бы счастлива Россия». Кроме того, он написал письмо матери, которое поступило в распоряжение коменданта для передачи по назначению через Департамент полиции.

Палач, который должен был привести приговор в исполнение, ждал свою жертву в крепости уже с 8 мая. В ожидании «работы» он «убивал» время «в курении табаку и питье водки». Это был некто Александр Филиппев, рослый детина, брюнет, с грубыми, крупными чертами лица, казак по происхождению, приговоренный к смертной казни за убийство нескольких человек. Помилование ему было даровано при условии, что он согласится исполнять обязанности палача. За каждого казненного ему сокращался срок каторги³⁸, заменившей ему смертную казнь; кроме того, за каждого казненного ему еще выдавалось денежное вознаграждение.

В этот же день около 8 часов вечера в крепость начали съезжаться сословные представители, приглашенные комендантом для присутствия при совершении казни: Шлиссельбургский городской голова Прохоров, «на которого необходимость присутствия при смертной казни действовала, по-видимому, удручающим образом»³⁹, помощник исправника Преображенский, купцы Попов и Шашин, а также акцизный чиновник Латкин. Вскоре после них приехали из Петербурга товарищ прокурора и секретарь петербургского окружного суда.

В 9 часов вечера прокурор в сопровождении зрителя тюрьмы прошел в комнату к осужденному и объявил ему, что в эту ночь, т. е. с 9 на 10 мая, приговор над ним будет приведен в исполнение. Товарищ прокурора, по всей вероятности, волновался и, наверное, поэтому так рано объявил Каляеву об ожидавшей его в эту ночь участи. Последний же, морально подготовившись к смерти еще до теракта, воспринял эту весть внешне спокойно, и только попросил, чтобы при казни присутствовал его защитник В. А. Жданов. Адвокат действительно приезжал в крепость, но ему не дали разрешения на свидание с Каляевым.

Ночь перед казнью была наполнена звуками собачьего лая, гармоники и песен. Под утро, когда рассвело так, что «можно уже было читать на дворе без огня», Каляева вывели к месту казни, зачитали приговор и повесили⁴⁰. Свершилось то, к чему последние годы так отчаянно и надрывно стремился террорист, потому что «любил революцию так глубоко и нежно, как любят ее только те, кто отдает за нее свою жизнь»⁴¹, – справедливо заметил Савинков.

Вообще безумная жертвенность и некрофильские настроения воспевались, почти что по-горьковски, и самими террористами. Вот как с пророческим предвидением переживал свой неизбежный конец И. П. Каляев: «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось

погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка. Смерть упоительная. Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный». «Через такую именно смерть и прошел Каляев»⁴², – констатировал в итоге Зензинов. Между тем сам Борис Савинков, недрогнувшей рукой пославший друга и единомышленника сначала на преступление, а затем и на эшафот, много лет спустя, находясь в Лубянской тюрьме, признался: «Когда казнили Ивана Каляева, я был в Париже. Я не спал ни минуты четыре ночи подряд...»⁴³

Ученые, исследовавшие феномен индивидуального террора в России, определили эсеров как русских экзистенциалистов. Рассуждая о судьбе Каляева и его сподвижников, А. Камю писал: «С помощью бомбы и револьвера, а также личного мужества, с которым эти юноши, жившие в мире всеобщего отрицания, шли на виселицу, они пытались преодолеть свои противоречия и обрести недостающие им ценности. До них люди умирали во имя того, что знали, или того, во что верили. Теперь они стали жертвовать собой во имя чего-то неведомого, о котором было известно лишь одно: необходимо умереть, чтобы оно состоялось. До сих пор шедшие на смерть обращались к Богу, отвергая человеческое правосудие. А знакомясь с заявлениями смертников интересующего нас периода, поражаешься тому, что все они, как один, взывали к суду грядущих поколений. Лишенные высших ценностей они смотрели на эти поколения как на свою последнюю опору. Ведь будущее – единственная трансцендентальность для безбожников. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего, стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лона которой явился бы новый бог»⁴⁴. В годы великих потрясений в России в начале XX в. молоху эсеровского террора были принесены тысячи жизней, и одним из отчаянных «Безглавых всадников» этого революционного жертвоприношения был поэт с бомбой Иван Каляев.

Примечания

- 1 См.: Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. М., 1999. С. 302.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 35. М., 1958. С. 362.

- ³ См.: *Басов-Верхоянский С. А.* Из давних встреч // Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 151–160; *Беренштам В. В.* В боях политических защит. М.; Л., 1925. 228 с.
- ⁴ См.: *Соболев Ю.* Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь Сергей Романов. М., 1924. 25 с.; *Орлинский А.* Первая русская революция (1905 год). М., 1925. 93 с.
- ⁵ См.: *Мандельштам М. Л.* 1905 г. в политических процессах : записки защитника. М., 1931. 392 с.
- ⁶ См.: *Непролетарские партии России в трех революциях* : сб. ст. / отв. ред. К. В. Гусев. М., 1989. 249 с.; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. 238 с.
- ⁷ См.: *История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях* : доп. учеб. пособие для студентов вузов / сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. 576 с.; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. 218 с.; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. 239 с.; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. 624 с.; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. 399 с.; *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. 252 с.; *Суворов А. И.* Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века. (Историко-правовое исследование анти-террористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002. 316 с.; *Багдасарян В. А., Бакаев А. А.* Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004. 162 с.
- ⁸ См.: *Гусев К. В.* Рыцари террора М., 1992. 143 с.
- ⁹ См.: *Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 181–191.
- ¹⁰ *Закиров Р. С.* Террористическая мистерия Ивана Каляева // *Мир истории.* 2004. № 13–15 (1–3). С. 103–104; *Он же.* Суд над эсером-террористом И. П. Каляевым // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 8, ч. 1. С. 75–79; *Он же.* Визит великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И. П. Каляеву как провокация Департамента полиции // *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология.* 2012. № 4. С. 20–36; *Он же.* К вопросу о мировоззрении эсера-террориста И. П. Каляева // *Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал.* 2013. № 7. С. 71–73; *Он же.* Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 году // *Знание. Понимание. Умение.* 2013. № 3. С. 309–314; *Он же.* Об одной провокации Департамента Полиции (из материалов следствия над членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым в 1905 г.) // *Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал.* 2013. № 2. С. 159–168.
- ¹¹ См.: *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. М., 1997. 448 с.; *Гейфман А.* В сетях террора / пер. с англ. М., 2002. 256 с.
- ¹² Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. М., б.г. С. 9.
- ¹³ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 174.
- ¹⁴ Речь М. Л. Мандельштама // *Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 40.
- ¹⁵ Столь проникновенное, со знанием дела, описание злключений и «тайнства рождения» революционера объясняется тем, что сам М. Л. Мандельштам в молодости прошел через все это. В ноябре 1886 г. он вместе с А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым и другими народовольцами участвовал в т.н. «добролюбовской» демонстрации, за что был арестован и выслан на родину. В 1888 г. Мандельштам в очередной раз был арестован и определен под негласный надзор полиции. (Подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Корифей российской адвокатуры. М., 2006. С. 385–392).
- ¹⁶ Речь М. Л. Мандельштама // *Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 40.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 199–199(об.).
- ¹⁹ Речь М. Л. Мандельштама. С. 41.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 199об.
- ²¹ *Закиров Р. С.* О роли эсера-террориста И. П. Каляева в российской истории // *Локус : люди, общество, культуры, смыслы.* 2015. № 4. С. 32.
- ²² См.: *Савинков Б. В.* Воспоминания. М., 1990. С. 87.
- ²³ Там же. С. 38–39.
- ²⁴ Цит. по: *Савинков Б. В.* Воспоминания. С. 39–40.
- ²⁵ *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика террора и новая административная ментальность : очерки истории формирования. М., 1997. С. 8.
- ²⁶ Цит. по: Каляев Иван Платонович URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
- ²⁷ См.: *Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 188.
- ²⁸ Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 18.
- ²⁹ Там же. С. 20.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Отчет // *Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 20–21.
- ³² Речь идет о Международном конгрессе антропологов-криминалистов в Женеве 1896 г. (Подробнее см.: *Дриль Д. А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. 295 с.).
- ³³ См.: Отчет // *Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 20–21.
- ³⁴ Приговор // *Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 50.
- ³⁵ Цит. по: *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 113.
- ³⁶ На самом деле не за два часа, а за 4 дня до казни, но для газетного репортажа так выглядело более интригующе.
- ³⁷ Цит. по: *Казнь Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича...* С. 50–51.

- ³⁸ В мае 1905 г. он еще отбывал срок своей каторги, а потому был привезен в крепость под конвоем на полицейском пароходе, а уже в августе месяца того же года он разъезжал свободно без конвоя и не на полицейском, а на пассажирских пароходах, так как к этому времени окончился срок его каторги, благодаря большому числу политических, повешенных им за это лето в разных городах России.
- ³⁹ Последний день Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 72.

- ⁴⁰ См.: Последний день Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 67–75.
- ⁴¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁴² Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 182.
- ⁴³ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 189.
- ⁴⁴ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 246.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Поэт с бомбой: террорист Иван Каляев (опыт историко-психологической характеристики) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 398–404. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-398-404.

УДК 94(575.2)

ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ 1916 г. ДЛЯ РОССИИ И НАРОДОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Д. С. Маджун

Национальная академия наук Кыргызской Республики
Центр дунгановедения и китаистики, Бишкек
E-mail: djamad1966@mail.ru

Восстание 1916 г. имело самые трагические последствия, как для внешнеполитического престижа России, так и для экономического развития Семиречья. В случае победы повстанцев существовала реальная угроза вторжения иностранных войск со стороны Афганистана под руководством Германии и Турции. Жертвами этой трагедии стал весь многонациональный народ Семиречья, обеспечивавший продовольственную поддержку воюющей армии и тылу, что нанесло непоправимый удар по всей государственной системе Российской империи.

Ключевые слова: восстание 1916 г., Семиречье, киргизские волости, грабежи, дунгане, беженцы.

The Tragic Consequences of the Uprising of 1916 for Russia and the Peoples of Semirechye

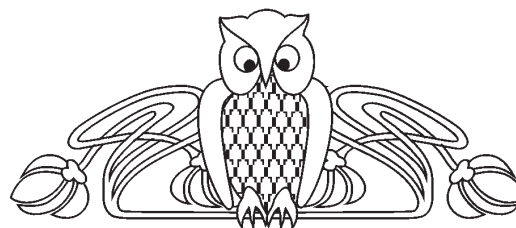
D. S. Madzhun

The uprising of 1916 had the most tragic consequences, both for the prestige of the Russian foreign policy and the economic development of Semirechye. In case of the rebels' victory there was a real threat of invasion of foreign troops from Afghanistan, led by Germany and Turkey. The victim of this tragedy was the whole multinational people of Semirechye, which provided food assistance to the warring army and the rear, causing an irreparable blow to the entire state system of the Russian Empire.

Key words: rebellion of 1916, Semirechye, Kyrgyz volost, robbery, Dungan, refugees.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-404-410

Чтобы понять природу трагических событий, разыгравшихся в 1916 г. на азиатской окраине России, необходимо определить круг субъектов,

которым было крайне выгодно и даже жизненно необходимо разжигание подобного конфликта в то время, когда страна находилась в состоянии войны. Усиление экономической и военной мощи Российской империи было невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на Евразийском континенте. Турция, и особенно Германия, тратила огромные средства на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и ее окраинах, не жалея средств на пораженческую и социалистическую пропаганду, с целью разрушить царскую империю изнутри.

Несмотря на то что Англия была союзницей России в первой мировой войне, вопрос противоборства с Россией за подступы к Индии оставался актуальным, поэтому Англия имела свой интерес в этом конфликте.

Китай также был заинтересован в ослаблении России, мечтая взять реванш за Петербургский договор 1881 г., а китайские анархисты и контрабандисты опиума при поддержке германо-турецкой агентуры хотели использовать этот конфликт, чтобы еще и вывезти опиум из Семиречья.

России этот конфликт был не только не выгоден, но и опасен, вследствие возможной потери контроля над этой огромной стратегически важной территорией, на освоение которой были затрачены десятки лет и огромные средства.

Указ о реквизиции коренных жителей Туркестана для работы в тылу от 25 июня 1916 г. и введение военного положения через несколько дней после его публикации усилили общее недовольство населения и привели к стихийным протестам и бунтам. Плохо подготовленное и не имевшее единого руководящего центра, киргизское восстание